РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 3. 16-го Января 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ достав. въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ **графа Е. А. Саліаса.**

(Продолженіе.)

ИЗЪ-ЗА ТОГО къ одной изъ московскихъ молодыхъ дѣвушекъ, княжнѣ съ громкимъ именемъ, красивой и съ огромнымъ состояніемъ, никто не сватался, между тѣмъ какъ она уже лѣтъ десять всячески старалась выйти замужъ. Сама она не могла понять причину этого, такъ какъ она должна была почитаться рѣдкой невѣстой.

А дѣло было просто — княжна была крайне жестока по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ, въ особенности къ своимъ многочисленнымъ сѣннымъ и горничнымъ дѣвушкамъ, была настолько крута, что отецъ и мать не знали, какъ унять дочь. Она съ утра до вечера занималась лишь тѣмъ, что дралась собственноручно съ прислугой, и до такой степени, что у нея болѣли руки. Знакомые часто видали княжну съ распухшими пальцами.

Дѣло по времени было, конечно, обычное, но, вѣроятно, было тоже какое-нибудь внутреннее чувство, явившееся въ дворянскихъ семьяхъ, опережая время, и это чувство заставляло ихъ непріязненно относиться

БѢЛЕНІЕ ХАТЫ. Съ картины **М. Клоссъ-Казановской** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

къ молодой красивой и богатой княжнѣ съ распухшими руками отъ битья такихъ-же молодыхъ дѣвушекъ, какъ и она сама.

Наоборотъ, въ то-же время былъ въ Москвѣ молодой человѣкъ, прослужившій уже года три въ Петербургѣ въ гвардіи, но вслѣдствіе несчастнаго случая вышедшій въ отставку и поселившійся съ родителями въ Москвѣ. Онъ упалъ съ лошади, сломалъ себѣ ногу и поправилъ ее кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ. И молодой малый, красивый, съ большимъ состояніемъ, явился жить въ Москву калѣкой съ костылемъ.

Но калѣка сталъ завиднымъ женихомъ.

Не успѣлъ онъ прожить въ Москвѣ двухъ лѣтъ, какъ у него перебывала куча невѣстъ. Чуть не всякій дворянинъ добивался того, чтобы калѣка женился на его дочери. И самъ молодой малый, конечно, былъ-бы уже женатъ и блестящимъ образомъ, если-бы не отказывался изъ скромности, говоря: „какой-же я женихъ на одной ногѣ?“

Причина, что за калѣкой бѣгали всѣ родители, мечтая выдать за него замужъ дочь, былъ простая. Юный офицеръ былъ такого нрава, что не только вся его дворня, но и многіе люди другихъ господъ, огромное количество всякаго народа, всѣ обожали и боготворили молодого барича на костылѣ. Получая изъ провинціи отъ отца большое содержаніе на всякія прихоти и затѣи дворянскія, онъ тратилъ всѣ деньги совсѣмъ на иное: и на помощь всякимъ неимущимъ людямъ, и на подарки, и просто на нищихъ московскихъ. Не такъ давно въ день его именинъ вокругъ его дома сошлась съ Москвы такая куча поздравителей, большею частью всякаго сѣраго люда, что пришлось посылать за будочниками, т. е., за полиціей.

Впрочемъ, къ такимъ невѣстамъ, какъ красавица и богачка княжна, и къ такимъ женихамъ, какъ офицеръ-калѣка, подсылать было не нужно: ихъ знали всѣ. Въ обыкновенныхъ-же брачныхъ дѣлахъ подсылъ и собираніе свѣдѣній отъ людей были важнѣйшимъ дѣломъ.

V.

И вотъ умная Елизавефа Давыдовна, подмѣтивъ это московское явленіе, этотъ стародавній крѣпко держащійся среди дворянъ обычай, воспользовалась имъ. Разузнавая въ семьяхъ, кто собирается женить сына или выдать дочь замужъ, Башкирова бралась за все и дѣло вела искусно.

Однако, эту роль тайной свахи или тайнаго агента для подсыла, несмотря на полное благодушіе московскихъ дворянъ, она потеряла изъ-за своего нрава. Не прошло шести-семи лѣтъ, какъ Башкировой перестали уже пользоваться и во многихъ домахъ косились на нее.

Оказалось, что она дѣйствовала искусно, но въ свою пользу, т. е., нечестно. При ея помощи состоялись въ Москвѣ такія нежелательныя бракосочетанія, что родители диву дались и долго не могли понять, кто въ дѣлѣ смошенничалъ.

Одинъ изъ видныхъ должностныхъ лицъ Москвы, человѣкъ не очень богатый, но сановный, при помощи Елизавефы Давыдовны, въ которой души не чаялъ и которой вполнѣ довѣрялъ, женилъ своего сына на очень красивой дѣвицѣ, дочери бѣдныхъ дворянъ. Побудительной причиной было лишь то, что эта дѣвица была чистый ангелъ во плоти, нравомъ своимъ якобы прямо святая дѣвица. Когда-же бракъ состоялся, то вскорѣ-же всѣ убѣдились, что молодой человѣкъ женился на чистомъ дьяволѣ. А затѣмъ совершенно случайно выяснилось, что бѣдные дворяне посулили и, дѣйствительно, дали Башкировой чуть не послѣднія свои деньги или, по крайней мѣрѣ, двухили трехгодовой доходъ. Это была награда за ея труды.

Послѣ этого случая было еще два. Башкирова состряпала бракосочетаніе одного молодого князя съ дочерью пріѣзжихъ въ Москву богачей, и вышло нѣчто совсѣмъ невозможное. У невѣсты совсѣмъ не оказалось того приданаго, про которое говорили и которое обѣщалось. Она не получила почти ничего, кромѣ сундука какого-то тряпья, ни одного клочка земли и и только двухъ крѣпостныхъ: семидесятилѣтняго старика и одиннадцатилѣтняго казачка. У родителей оказалось всего-навсего тринадцать душъ крѣпостныхъ.

Въ другой разъ одно семейство было недовольно бракомъ дочери, такъ какъ ея молодой мужъ оказался страдающимъ болѣзнью съ какими-то страшными припадками, отъ которыхъ его тщетно лечили чуть не съ рожденья. Послѣ этихъ припадковъ онъ бывалъ какой-то очумѣлый, кидался на всѣхъ и, конечно, больше всего буянилъ и дрался съ молодой женой.

Разумѣется, дворянская Москва, узнавъ, что эти браки — стряпня умильно улыбающейся, скромной и вѣчно привѣтливой Елизавефы Давыдовны, стала отъ нея сторониться.

Впрочемъ, вскорѣ-же женщина, какъ настоящій пролазъ, устроилась настолько хорошо, что какое-либо ремесло было ей ненужно. Она пролѣзла въ домъ князя Ягузинскаго и очень быстро заставила полюбить себя. Въ особенности стала ее любить сама княгиня, женщина, какъ говорили, разборчивая и угодить которой было довольно мудрено.

Вскорѣ-же Башкирова съ семьей переѣхала въ домъ князя и получила просторную квартиру во флигелѣ. Жизнь была настолько спокойна и выгодна, что Михаилъ Михайловичъ немедленно вышелъ въ отставку.

Съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, много приживальщиковъ перемѣнилось въ домѣ Ягузинскихъ, а Башкировы оставались. Княгиня отличалась тѣмъ, что у нея было семь пятницъ на одной недѣлѣ, и сегодня обожаемый ею человѣкъ завтра выгонялся вонъ, какъ негодяй или негодяйка.

Елизавефа Давыдовна была такая женщина, что всѣ дворовые князя, вскорѣ послѣ ея появленія въ домѣ, начали мечтать о томъ, что Башкировыхъ скоро выгонятъ вонъ. Но они ошиблись въ расчетѣ и теперь уже перестали мечтать, а поняли, что „ехидная Лисафа“, какъ давно они стали звать женщину, зла, какъ чертъ, но и хитра тоже какъ чертъ.

Молодой мальчишка, ея сынъ Абрамъ, избалованный, капризный, тоже злой и жестокій, теперь уже сталъ двадцатипятилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Страшно избалованный матерью, которая его обожала, Абрамъ былъ „притчей во языцѣхъ“, какъ говорили дворовые.

— Вся Москва знаетъ его, проклятаго,—говорили они,—авось-то не сноситъ головы, влетитъ во что-нибудь и уйдетъ въ тюрьму или въ Сибирь.

И, дѣйствительно, молодой человѣкъ и отъ природы, и отъ баловства матери былъ въ полномъ смыслѣ негодяй. Онъ страшно пьянствовалъ, сильно игралъ въ карты, проигрывалъ все то, что вытягивалъ у матери, и водился съ самымъ сомнительнымъ народомъ. Года не проходило, чтобы онъ не попадалъ въ какое-нибудь крупное замѣшательство, и Лисафа бѣжала къ покровительницѣ-княгинѣ съ мольбами о заступничествѣ. Княгиня посылала мужа—и все кончалось благополучно.

Однако, добрый князь говорилъ:

— Пошелъ кувшинъ по воду ходить, кончитъ Абрамъ плохо, и мы ничего не подѣлаемъ... Онъ либо зарѣжетъ кого, либо другое что худшее состряпаетъ.

Молодой человѣкъ не былъ похожъ ни капли ни на отца, ни на мать. Онъ былъ очень красивъ собой, съ какимъ-то чужеземнымъ обликомъ лица. Княгиня находила, что онъ очень похожъ на „тальянца“. Нѣсколькихъ итальянцевъ княгиня видала, будучи однажды въ Петербургѣ.

И только одна Елизавефа Давыдовна знала навѣрное и могла объяснить, почему Абрамъ похожъ на итальянца: онъ не былъ сыномъ Михаила Михайловича.

Будучи дворяниномъ, имѣя порядочныя деньги для тратъ, будучи, наконецъ, очень красивымъ, умнымъ, ловкимъ, Абрамъ очень нравился всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ и даже дѣвицамъ изъ богатыхъ дворянскихъ семей. Онъ могъ отлично жениться на приданницѣ и сдѣлаться настоящимъ бариномъ. При стараніяхъ и помощи матери, онъ, конечно, давно уже и былъ-бы женатъ.

Однако, сватовство молодого Башкирова никогда не приводило ни къ чему, и Елизавефа Давыдовна знала, въ чемъ дѣло. Недаромъ она сама была дѣйствующимъ лицомъ и служила многимъ для подсыла.

Каждый разъ, что она собиралась устроить бракосочетаніе своего обожаемаго Абраши и всячески упрашивала своихъ дворовыхъ людей отъ мала до велика плохо о немъ не отзываться, если будутъ спрашивать,—тѣмъ не менѣе, бракосочетаніе не улаживалось. Всѣ дворовые князя съ такой ненавистью и къ тому-же съ такимъ презрѣніемъ относились къ молодому Абраму Михайловичу, что всегда рекомендовали его, какъ истиннаго негодяя, и прибавляли уже отъ себя настоящую ложь, говоря:

— Онъ отца съ матерью каждодневно бьетъ, такъ что-же женѣ-то будетъ отъ него!

Между тѣмъ, молодой Абрамъ былъ, собственно, добрый малый и какой-то странный. Онъ обожалъ карты, игры всѣхъ родовъ, но въ особенности азартную игру, и счастье ему везло: онъ больше выигрывалъ, чѣмъ проигрывалъ. Когда онъ выигрывалъ какую-бы-то ни было большую сумму, онъ истрачивалъ ее тотчасъ и, конечно, въ концѣ концовъ, онъ всегда былъ въ проигрышѣ и спускалъ всѣ тѣ деньги, которыя всяческимъ образомъ доставала его мать. Конечно, добрая доля этихъ денегъ была отъ княгини.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Абрамъ любилъ рисовать; никогда не учившись, онъ рисовалъ портреты очень похожіе, причемъ онъ былъ во всей Москвѣ только одинъ, выдумавшій рисовать не карандашомъ и не масляными красками, а простымъ угольком изъ печки. Кромѣ того, Абрамъ хорошо игралъ на гитарѣ и отлично пѣлъ безчисленныя русскія пѣсни. Лучше него никто не могъ-бы спѣть.

Друзья, которыхъ у него была куча, его страшно любили, и во многихъ сомнительныхъ дѣлахъ, кутежахъ, дракахъ и всяческихъ противозаконныхъ происшествіяхъ Абрамъ спасался часто по милости пріятелей. Его всегда выгораживали и такъ единодушно, такъ краснорѣчиво, что, кругомъ виноватый, онъ не попадался на удочку стрекулистамъ; только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда не было никакой возможности его выгородить, когда пріятели и друзья не могли ничего подѣлать, Лисафа бѣжала валиться въ ноги княгинѣ, а князь ѣхалъ хлопотать и спасать сына любимицы.

Единственною чертою характера, много вредившею Абрамову и заставлявшею дворовыхъ князя его ненавидѣть, были его крайняя вспыльчивость и грубое отношеніе къ нимъ всѣмъ подъ пьяную руку. Когда Абрамъ возвращался домой не только сильно пьянымъ, но навеселѣ, всѣ отъ него сторонились. Даже родной отецъ уходилъ въ свою комнату и сидѣлъ тамъ, пока „Абрашка не смирится“ или пока мать чуть не силкомъ не уложитъ его въ постель. Когда кто изъ дворни попадался подъ руку выпившаго Абрама, то безъ всякаго повода опохмелялся въ чужомъ пиру. Абрамъ непремѣнно придерется и непремѣнно исколотитъ. А тронуть его, конечно, было нельзя, такъ какъ онъ все-таки былъ дворянинъ, баринъ, да еще сынъ барской-барыни, любимицы княгини.

Разумѣется, ненависть къ Абраму всей дворни княжьей имѣла характерное основаніе. Побои „Абрашки“ были не таковы, чтобы ихъ нельзя было снести; отъ управляющаго или иного дворецкаго, своего брата дворовaго, получались ежедневно и не такіе здоровые тумаки. Но они были свои, а Абрамъ былъ чужой человѣкъ, не ихъ баринъ и не отъ барина поставленный.

VI.

Однажды утромъ, когда князь проснулся, лакей Савелій вошелъ въ спальню съ какимъ-то особымъ выраженіемъ лица, будто торжественнымъ. Въ рукахъ его былъ большой конвертъ.

— Важное происшествіе, ваше сіятельство, — сказалъ онъ. — Вотъ извольте получить.

— Что такое?—спросонья ничего не понимая, отозвался князь.

— А вотъ грамота. Пріѣхалъ нарочный, конный гонецъ изъ Калуги. Пріѣхалъ-то ночью, сказывалъ намъ, что дѣло спѣшное, а я все-таки побоялся васъ будить. Вотъ пожалуйте.

— Да что это?

— А должно быть важное. Вашъ дядюшка Петръ Павловичъ Зоричъ скончался. И вотъ, должно быть, отъ него письмо.

— Отъ мертваго да письмо. Шутъ ты гороховый!— воскликнулъ князь.

Однако, онъ быстро поднялся на постели, взялъ конвертъ, надорвалъ его и вынулъ большую бумагу. Савелій подалъ ему очки, и князь началъ читать.

Письмо оказалось отъ помѣщика Калужской губерніи, сосѣда покойнаго Зорича, господина Данилова, который увѣдомлялъ князя, что, въ качествѣ душеприказчика, онъ считаетъ долгомъ немедленно довести до свѣдѣнія князя важное обстоятельство. Онъ знаетъ со словъ покойнаго, что самъ онъ назначенъ душеприказчикомъ, а по завѣщанію покойнаго князь Андрей Григорьевичъ назначенъ опекуномъ внуки г. Зорича и наслѣдницы всего его состоянія. Дабы не вышло какого-нибудь недоразумѣнія или упущенія, или произвольныхъ дѣйствій кого-либо, онъ считаетъ долгомъ просить князя немедленно вступить въ свою должность опекуна и, если возможно, пріѣхать и на похороны, которыя, конечно, въ ожиданіи его отложатъ.

Князь былъ совершенно пораженъ. Прочитавъ письмо, онъ началъ снова читать его, но, не дочитавъ, покачалъ головой и выговорилъ:

— Ничего не понимаю. Почему-же я — опекунъ? Мы съ нимъ двадцать лѣтъ не видѣлись. Зачѣмъ онъ меня выбралъ?

— Худого тутъ ничего нѣту, — заявилъ Савелій.

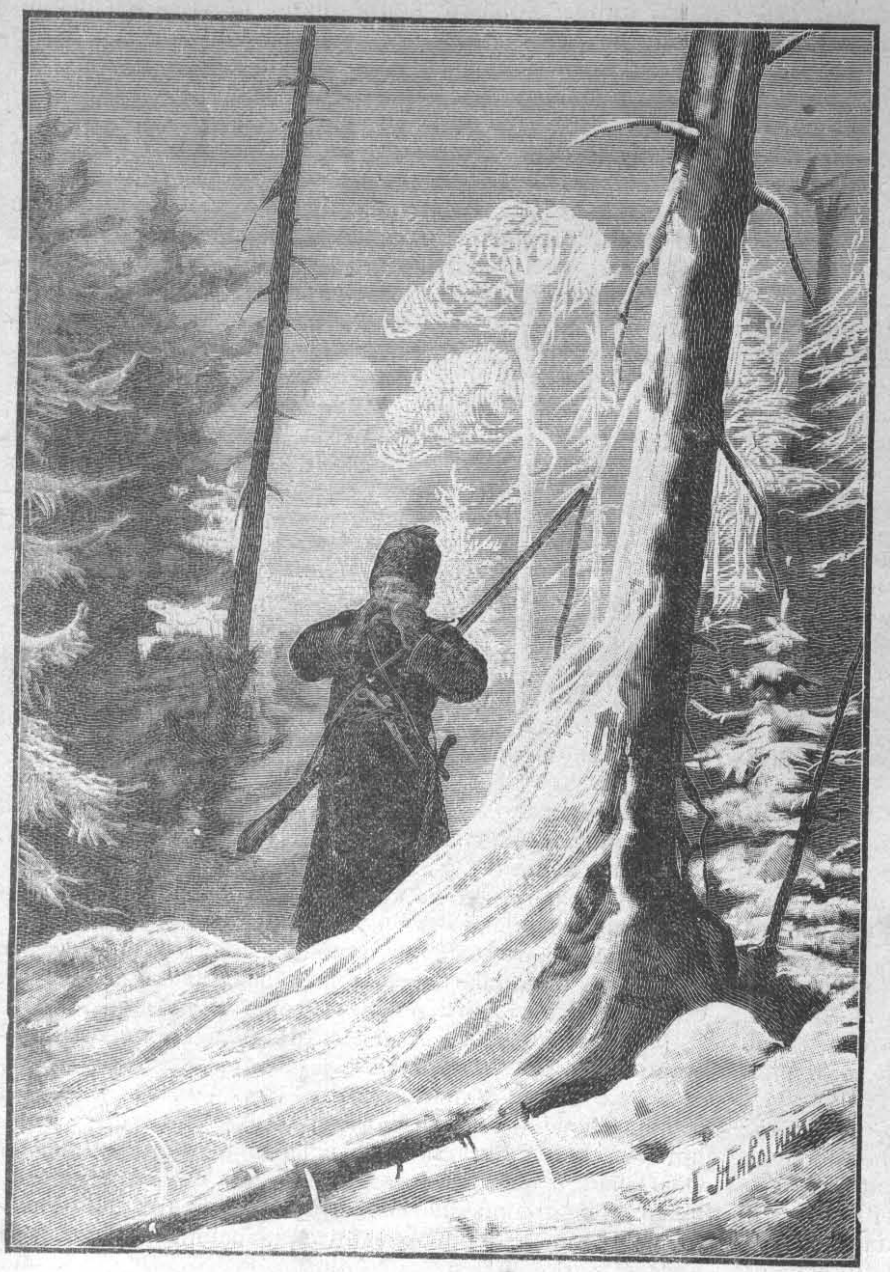
— Какъ нѣту? А хлопоты! Ты, дуракъ, ничего не

понимаешь. Я и со своими-то дѣлами перепутался, а тутъ еще чужія дѣла бери.

— Что-же такое-съ! Ихнія дѣла, Зоричевыхъ, не запутаны, хлопотъ вамъ никакихъ не будетъ.

— Что-же это? какъ-же это?—пробормоталъ князь, сидя въ кровати, а затѣмъ развелъ руками, выронилъ бумагу на одѣяло, имѣя видъ совершенно перепуганный. — Откажусь, вотъ и все, — прибавилъ онъ, какъ-бы самому себѣ.

— Полноте, ваше сіятельство. А вы лучше одѣвайтесь-ка поскорѣе да пройдите къ княгинѣ, а онѣ вамъ сейчасъ все пояснятъ и васъ успокоятъ. Дѣло это такое хорошее, какъ нельзя быть лучше.



ЗАБЛУДИЛСЯ. Оригинальчый рисунокъ С. Животовскаго; гравир. для «Родины» Б. Нуцъ.

— Хорошее? Дуракъ ты, опять скажу, ничего не смыслишь.

— Говорю — одѣвайтесь-ка поскорѣе. Удивительно мнѣ, какъ вы не знаете, что опекунское управленіе — самое пріятное дѣло.

Князь какъ-будто внезапно смекнулъ что-то, поглядѣлъ въ лицо любимца-лакея, помолчалъ нѣсколько мгновеній и вдругъ сталъ почесывать затылокъ.

— Да, — промычалъ онъ, наконецъ. — Если эдакъ разсуждать, то оно да... конечно...

И вдругъ, сорвавшись съ постели, князь началъ быстро одѣваться.

Едва онъ успѣлъ умыться, какъ съ половины княгини, которая тоже проснулась и узнала о гонцѣ, пріѣхавшемъ ночью, явилась горничная и стала кликать черезъ дверь Савелія.

— Иди сюда, — крикнулъ князь и, когда горничная вошла, онъ спросилъ: — чего тебѣ?

— Княгиня приказала вамъ сію минуту идти къ нимъ, а не то, говорятъ, пусть пришлетъ сейчасъ-же полученную бумагу.

— На вотъ, бери, неси; скажи, сейчасъ иду.

Горничная, получивъ письмо, вышла, а князь началъ умываться уже бодрѣе и отчасти въ веселомъ настроеніи духа.

— Да, Савелій, ты, вѣдь, выходитъ, умнѣе меня. Я-то напугался, а ты-то сразу сообразилъ все. Это, пожалуй, и впрямь— не глупое дѣло и не худое. Только вотъ одно, чего мы не знаемъ: одинъ-ли я опекуномъ, или еще кто, да, поди, еще двое.

— Кто такой, вотъ важно, ваше сіятельство.

— То-то и есть — кто такой. Можетъ быть, подходящій, а можетъ быть, и совсѣмъ не подходящій.

— Все-таки ничего-съ, все-таки худого нѣтъ. А вотъ вы поскорѣе къ княгинѣ идите: онѣ все разрѣшатъ.

Черезъ четверть часа князь былъ уже въ небольшой гостиной, которая такъ и называлась княгининская гостиная и гдѣ старуха сидѣла цѣлые дни, когда не было гостей.

Когда князь вошелъ, княгиня Елизавета Петровна не сидѣла на своемъ обычномъ креслѣ, предъ столикомъ, и не кушала чая. Самоваръ кипѣлъ, бурлилъ, а она, еще не заваривъ чая, ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину. При этомъ она ходила быстро, не своей всегдашней медленной, какъ-бы утиной, походкой, а шагала быстро. Очевидно, она была взволнована.

Едва князь показался на порогѣ, какъ княгиня Елизавета Петровна остановилась среди комнаты и выговорила рѣзко:

— Ну, слава Тебѣ, Господи! Чего копался тамъ? Не могъ придти тотчасъ-же. Успѣлъ-бы вымыть себя и послѣ.

— Я, матушка, спѣшилъ, какъ только могъ, зная, что...

— Понялъ-ли ты хорошо письмо? — перебила княгиня.

— Понялъ.

— Ну, говори, что понялъ?

— Что, собственно?

— Говори, что понялъ изъ письма.

— Да выходитъ одно, что, стало быть, Петръ Павловичъ померъ, а меня назначилъ опекуномъ надъ внучкой.

— Голова! — проговорила протяжно княгиня.—Первая въ Москвѣ голова! Нешто я про это тебя спрашивала? Ты говори, что ты теперь дѣлать будешь.

— Да что-же-съ?.. Какъ по вашему совѣту... Безъ васъ я ничего не стану, сами знаете.

— Говори прежде, что сообразилъ. А, что тебѣ дѣлать, я сама потомъ скажу.

— Опять-таки, какъ вы присовѣтуете, такъ и поступлю. Я ни о чемъ не думалъ и ничего дѣлать не собираюсь.

Княгиня сѣла въ свое кресло, занялась чаемъ. Князь сѣлъ противъ нея и ждалъ, о чемъ она заговоритъ.

— Самое главное,— заявила княгиня,— одинъ-ли ты опекунъ. Коли не одинъ, а еще кто, то должно взяться за дѣло, попробовать. Коли можешь управлять, какъ слѣдуетъ, возьмешь—останешься, коли нельзя, плюнешь и бросишь, откажешься. На мой разумъ, коль скоро этотъ... какъ его тамъ, не помню по фамиліи... коли онъ пишетъ о тебѣ и не упоминаетъ о другомъ опекунѣ, то, стало быть, ты—одинъ. Надо теперь прежде всего рѣшить дѣло: ѣхать-ли тебѣ въ Калугу, или не ѣхать. Послать прежде кого-нибудь. Что зря ѣхать хоронить старика, котораго столько лѣтъ не видѣлъ. Если изъ этого дѣла ничего не выйдетъ, надо все разузнать, разнюхать. Завѣщаніе тамъ какое есть, вскроютъ,—все узнаемъ.

Княгиня замолчала и князь выговорилъ:

— Какъ прикажете.

Помолчавъ довольно долго, Елизавета Петровна заговорила менѣе рѣшительно и задумчиво:

— А то обождемъ,—одинъ день не бѣда; до вечера обождемъ, подумаемъ. А прежде всего посылай сейчасъ за Миничемъ кого-нибудь, прикажи ему быть сюда сейчасъ-же. Намъ надо съ нимъ обо всемъ перетолковать, посовѣтываться.

— Да, это лучше всего,— отозвался князь.—Лучше этого и надумать ничего нельзя. Миничъ сейчасъ намъ все разъяснитъ.

— Ну, ступай, посылай за нимъ, чтобы сейчасъ привозили сюда. А я покуда подумаю.

И едва князь вышелъ изъ комнаты, какъ княгиня вызвала къ себѣ свою наперсницу и совѣтницу Лисафу. Посадивъ ее противъ себя, княгиня, уже объявившая Лисафѣ обо всемъ и даже читавшая вмѣстѣ съ нею письмо, теперь обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Ну, какъ-же, Лисафушка?

— Да такъ, матушка, какъ я вамъ сказывала. Я и мужу говорила уже, и онъ то-же сказываетъ.

— Ну, онъ что, онъ всегда будетъ сказывать, что ты говоришь. Такъ, по-твоему, ѣхать князю самому?

— По-моему, ѣхать. На мѣстѣ все виднѣе будетъ.

— А я надумала за Миничемъ послать.

— Еще того лучше. И вотъ посмотрите, Миничъ скажетъ то-же, что и мы говоримъ. Да и потомъ еще, прибавлю я, коли настоящимъ образомъ управлять, то князю удобнѣе на самомъ на мѣстѣ познакомиться. Вѣдь, онъ-же не знаетъ ничего, какое имѣніе у этой барышни Зоричъ. Сказывали всегда, что у старика большущее имѣніе. Управиться со всѣми вотчинами будетъ не легко: придется князю ѣздить въ разныя вотчины, самолично все видѣть. А, вѣдь, онъ это дѣлать не станетъ.

— Конечно, не станетъ. Гдѣ съ его лѣнью,—проворчала княгиня.—Да тутъ все главное не въ этомъ, Лисафа. Главное дѣло, одинъ-ли мой князь будетъ опекуномъ. Если не одинъ, то прямо хоть отказывайся. Въ одной берлогѣ двумъ медвѣдямъ не ужиться.

— А коли-же эти два медвѣдя да въ дружбѣ будутъ?

— Бываетъ. Только кто онъ? вотъ что!

— А сколько ей будетъ лѣтъ? — спросила Лисафа.

ВЫНОСЪ РАНЕНАГО СЪ МѢСТА СРАЖЕНІЯ. Оригин. рисун. **В. Довнаръ-Запольскаго;** гравир. для «Родины» **И. Юревичъ.**

— Хорошо не знаю, а, по-моему, лѣтъ десять есть.

— Что вы, матушка! Гонецъ сказываетъ — боярышня-невѣста.

— Такъ чего-же, дура, спрашиваешь, коли знаешь?

— Гонецъ сказываетъ—невѣста и что старый баринъ уже собирался ее замужъ выдавать, да не успѣлъ. Сказывалъ даже, что былъ и женихъ у нея изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, да, вишь, гостя у нихъ, взялъ, да и померъ вдругъ, будто съ глазу. А коли, говоритъ гонецъ, эдакаго лихого дѣла не приключилось-бы, такъ теперь барышня была-бы давно замужемъ за

нимъ. Только это одно и остановило дѣло. И вотъ, стало быть, если полагать, что ей лѣтъ шестнадцать-семнадцать, такъ князю опекать-то долго не придется.

— Почему-же такъ?

— А потому, матушка, что мужъ говоритъ—опекунство бываетъ только до замужества или до двадцати одного года. А какъ двадцать одинъ годъ барышнѣ минетъ, она на свободѣ. Сама, значитъ, дѣлай, что хочешь.

— А на четыре года не стоитъ того и браться!—вскричала княгиня.—Да это все—сочинительство твоего Михаила Михайловича. Что онъ—судья, что-ли? законы-то россійскіе знаетъ, что-ли? Вотъ обождемъ Минича. Онъ все знаетъ.

VII.

Между тѣмъ, появленіе гонца съ письмомъ къ князю-барину, извѣстіе, что баринъ назначается опекуномъ своей дальней родственницы, произвело сильное впечатлѣніе на обитателей дома. И во всѣхъ комнатахъ нахлѣбниковъ, и среди дворни только и было толковъ, что о новости. И, наконецъ, разнесся слухъ, невѣдомо кѣмъ выдуманный и пущенный, что можетъ совершиться огромная перемѣна въ судьбѣ всѣхъ лицъ, всѣхъ обитателей. Князь въ качествѣ опекуна долженъ будетъ жить въ вотчинѣ опекаемой имъ барышни Зоричъ, стало быть, московскому житью конецъ, придется всѣмъ жить въ деревнѣ.

Это извѣстіе особенно поразило многихъ приживальщиковъ, такъ какъ у нихъ была въ Москвѣ родня и переѣздъ въ деревню ихъ только испугалъ.

Что касается до дворовыхъ людей, то лишь немногіе были недовольны. Большинство было въ восторгѣ.

— То-ли дѣло въ деревнѣ. Черта тутъ въ городѣ,—говорили повсюду.

Между тѣмъ, прошло около двухъ часовъ, а тележка, посланная за Миничемъ, не возвращалась. Князь нетерпѣливо часто подходилъ къ окошкамъ и смотрѣлъ на дворъ. Княгиня распорядилась, чтобы, какъ только Миничъ въѣдетъ во дворъ, сейчасъ-же было доложено ей.

Наконецъ, часа черезъ два ожидаемый гость явился. Это былъ маленькій сгорбленный старичекъ, на видъ совсѣмъ неказистый, со сморщеннымъ лицомъ, совершенно плѣшивый, съ большими золотыми очками на маленькомъ курносомъ носу, вздернутомъ и приплющенномъ.

Миничъ былъ тѣмъ, что называлось словомъ „стрекулистъ“.

Во всей Москвѣ онъ пользовался славой искуснаго судейскаго крючка. Во всѣхъ приказахъ и судахъ онъ былъ свой человѣкъ, вся его стрекулистская дѣятельность съ двадцатилѣтняго возраста протекла въ Москвѣ, а теперь ему было подъ семьдесятъ лѣтъ. Онъ хвастался тѣмъ, что еще во время большого стрѣлецкаго бунта онъ уже велъ два дѣла своихъ довѣрителей, а въ тѣ времена были еще цари, а не императоры, проживали въ Москвѣ, а не въ новомъ городѣ, въ Петербургѣ, порядокъ былъ совсѣмъ другой, не чета нынѣшнему. Ходатайствовать было не въ примѣръ мудренѣе, а теперь пустяки, теперь на всякое дѣло есть законъ и только надо знать одно, какъ этотъ самый законъ прицѣпить, коли онъ тебѣ въ пользу, и какъ этотъ самый законъ обойти, коли онъ противъ тебя. И вотъ въ этомъ искусство—либо притянуть и прикрыться закономъ, либо шмыгнуть мимо него.

(Продолженіе будетъ.)

ХАНУМЪ ГЮЛИДЖАНА.

Разсказъ **Ѳ. Е. Зарина**.

(Продолженіе.)

ЕЛЫЙ годъ любилъ ее Сафаръ, и всѣ женщины донынѣ поютъ пѣсни, какія онъ сложилъ тогда. Но Сафаръ разлюбилъ Сайду, разлюбилъ и бросилъ для молодой персіянки, у которой глаза были, какъ бирюза, а волосы, какъ ночь“...

Голосъ Гюлиджаны задрожалъ, глаза потемнѣли.

„Много ночей безъ сна провела молодая Сайда, много слезъ пролила она, и, если-бы эти слезы упали въ безводную Ганжу, она зашумѣла-бы, какъ весной.

„И пошла Сайда къ старой татаркѣ, принесла ей золота, много золота и сказала ей:

„— Верни мнѣ Сафара!

„Татарка дала ей кольцо съ чуднымъ камнемъ—онъ то сіялъ, какъ небо, то дѣлался бѣлый, какъ молоко, то чернѣлъ, какъ туча, и въ немъ видѣлъ человѣкъ все свое прошлое, видѣлъ все забытое, потому что никто не помнитъ вполнѣ своего прошлаго.

„— Дай ему это кольцо,—сказала татарка,—и онъ или вернется къ тебѣ, или зачахнетъ.

„Въ послѣдній разъ позвала Сайда къ себѣ Сафара проститься.

„Сафаръ пришелъ и Сайда сказала ему:

„— Ты не любишь меня больше, мой возлюбленный, такъ угодно Аллаху! Прощай! Возьми на память это кольцо и, смотря на него, вспоминай Сайду.

„Сафаръ ушелъ.

„И съ той поры смолкли его пѣсни. Цѣлые дни сидѣлъ онъ на земляной кровлѣ, смотря на чудное кольцо. Напрасно ждали его пѣсенъ. Сафаръ лишился сна, пересталъ ѣсть, глаза его погасли.

„Къ нему ходили муллы, творили надъ нимъ молитвы, но Сафаръ не смотрѣлъ на нихъ. Онъ или сидѣлъ неподвижный, какъ камень, или бродилъ, какъ дикій звѣрь, по сосѣднимъ полямъ.

„И вотъ однажды на зарѣ онъ взялъ свою тару, вышелъ, какъ прежде, на кровлю и запѣлъ.

„Услышали, что Сафаръ запѣлъ, сбѣжались къ его дому.

„А онъ смотрѣлъ на небо и пѣлъ. Пѣлъ и плакалъ, и плакали всѣ, кто слушалъ его.

„Онъ пѣлъ о томъ, что у пышныхъ розъ есть колючіе шипы; пѣлъ о томъ, какъ ядовитыя змѣи гнѣздятся въ душистыхъ цвѣтникахъ; пѣлъ о чудныхъ плодахъ, вкусивши которыхъ умираетъ человѣкъ; пѣлъ о любви, которая сосетъ сердце; пѣлъ, что любовь—обманъ, что страданья затопили міръ, какъ весеннія воды Ганжи затопляютъ нивы и виноградники, и молилъ у Аллаха смерти.

„И всѣ говорили: бѣдный Сафаръ, онъ страдаетъ.

„Онъ кончилъ, уронилъ тару, прижалъ руки къ сердцу, взглянулъ на небо и упалъ.

„Тара разбилась и разбилось его сердце.

„Онъ умеръ“.

Гюлиджана грустно замолчала.

— А что прекрасная Сайда?

— Она зачахла съ тоски скоро-скоро... Хочешь, я спою его послѣднюю пѣснь?

— Нѣтъ, нѣтъ! Спой, какъ онъ любилъ Сайду,— проговорилъ взволнованный Назаровъ, — спой, какъ онъ любилъ ее, потому что я тоже люблю!..

Нѣсколько мгновеній Гюлиджана молча перебирала струны тары и потомъ тихо запѣла. Она одушевлялась, по мѣрѣ того какъ пѣла, ея голосъ звучалъ громче, полнѣе. Глаза загорѣлись и увлажнились.

Монотонный напѣвъ звучалъ безысходной тоской. Что-то безнадежное слышалось въ немъ. Желанье, мольба, покорность страданью, — все звучало въ страстной пѣснѣ вдохновеннаго Сафара.

И пѣсня замерла и умолкла. Жалобнымъ стономъ прозвучалъ послѣдній аккордъ тары.

Руки Гюлиджаны безсильно лежали на умолкшихъ струнахъ.

— Что значитъ эта печальная пѣснь?— спросилъ Назаровъ. — Переведи...

— Слушай, — медленно проговорила Гюлиджана и, покачиваясь впередъ и назадъ, она, повидимому, съ трудомъ подбирая слова, начала:

„Возлюбленная моя, ты, на кого Аллахъ истратилъ свои лучшіе дары, зачѣмъ ты терзаешь меня? Все отдалъ тебѣ бѣдный Сафаръ, и нищей стала душа его. Не терзай Сафара!

„Близокъ путь отъ острія кинжала до страдающаго сердца! Полюби меня! Больше, чѣмъ звѣздъ у Аллаха, у Сафара пѣсенъ для его черноокой Сайды! Широкія крылья славы понесутъ твое нѣжное имя во всѣ края свѣта, гдѣ звучитъ родной языкъ. Пощади!

„Близокъ путь отъ острія кинжала до страдающаго сердца! Полюби меня! И, много лѣтъ спустя, молодыя дѣвы наши будутъ говорить своимъ возлюбленнымъ: люби меня, какъ Сафаръ любилъ свою ханумъ! Не терзай Сафара!

„Близокъ путь отъ острія кинжала до страдающаго сердца! Полюби!“

Гюлиджана подняла грустные глаза на Назарова и медленно повторила:

— „Близокъ путь отъ острія кинжала до страдающаго сердца!“

„Что творится въ ея душѣ?“ — думалъ Назаровъ, слѣдя за быстрыми перемѣнами выраженія въ ея лицѣ.

И ему захотѣлось раскрыть ея душу, какъ раскрываютъ книгу и прочесть ея тайныя думы и чувства.

— Ты грустна, моя ханумъ?— нѣжно спросилъ Назаровъ и привлекъ ее къ себѣ.

Гюлиджана опустила голову къ нему на грудь и молчала.

— О чемъ ты тоскуешь? Развѣ тебѣ не хорошо сейчасъ?

— О, хорошо, хорошо, — прошептала Гюлиджана, крѣпко прижимаясь къ нему.

— Такъ что-же съ тобой?— продолжалъ Назаровъ.

— Я думаю—бѣдный Сафаръ. Скажи, на твоей родинѣ тоже всегда страдаютъ, когда любятъ?

Сердце Назарова дрогнуло. Ему-ли не знать, какъ страдаютъ отъ любви на его родной сторонѣ?

— Страдаютъ, моя ханумъ, всегда страдаютъ...

— Аллахъ справедливъ, — продолжала Гюлиджана,—люди злы; они должны страдать...

— А ты теперь страдаешь?— спросилъ Назаровъ.

— Теперь? съ тобой? О, нѣтъ, нѣтъ! Но лишь только ты уйдешь, Гюлиджана начнетъ страдать... Мало-ли красивыхъ женщинъ? Ты забываешь, можетъ быть, Гюлиджану, когда не съ нею. А я хочу тебя всего... всего! — помолчавъ, повторила она глухо.

— Полно, Гюлиджана! я люблю тебя, весь твой. Думай только о томъ, что для меня нѣтъ другихъ женщинъ, кромѣ тебя. Я люблю тебя. Кто замѣнитъ мнѣ твои глаза, черные, какъ ночь, твои уста, свѣжія, какъ дыханіе розъ въ твоемъ саду? Гюлиджана,— его голосъ задрожалъ отъ страсти, и въ эту минуту, дѣйствительно, вся жизнь его, весь міръ были для него только въ ней одной, — Гюлиджана, вся душа моя горитъ тобою, опьяни меня своими поцѣлуями, своими объятьями, заставь забыть все прошлое, все будущее... все, все, кромѣ тебя!...

Какъ-будто чудный бредъ охватилъ Назарова. Благоухающій теплый воздухъ лился въ открытое окно. Вмѣсто потолка ему грезилось темное небо, усѣянное яркими звѣздами, и среди этихъ звѣздъ свѣтили черные глаза...

Необычайный, фантастическій міръ раскинулся кругомъ. Гдѣ-то замирала пѣсня, прекрасныя женскія тѣни неслышно рѣяли въ воздухѣ и сливались въ одинъ образъ Гюлиджаны. Въ странномъ, почти болѣзненномъ напряженіи его душа вдругъ собрала въ себѣ и прошлые восторги, и мечты, и страсть...

— Люби меня, — шепталъ онъ, — заставь забыть тотъ далекій край, гдѣ я страдалъ, ту женщину, которая приковала меня къ себѣ своими печальными, загадочными глазами... Ты, вѣдь, не будешь меня мучить? Въ твоихъ словахъ я никогда не замѣчу противорѣчія? твои глаза не могутъ скрывать невѣдомыя мнѣ чувства? Ты не будешь ни украшать себя словами, ни лгать невольно, обольщенная мечтами? не будешь обращать любовь въ искусство?..

Гюлиджана слушала его съ полузакрытыми глазами, съ блаженной улыбкой на лицѣ. Она не понимала его, но слышала страсть и страданіе въ звукахъ его голоса, видѣла его разгорѣвшееся лицо и была счастлива.

— Моя ханумъ, — дрожа, продолжалъ онъ, — обними меня крѣпко-крѣпко, поцѣлуй меня поцѣлуемъ, который жжетъ и отравляетъ!

Гюлиджана тихо приподнялась; въ ея сильной гибкой фигурѣ было что-то хищное, когда она склонилась къ Назарову и вдругъ обхватила его бѣлыми руками, какъ-бы пытаясь задушить его, и впилась губами въ его губы...

На востокѣ свѣтлѣло, когда Назаровъ вышелъ отъ Гюлиджаны. Въ его душѣ былъ хаосъ, въ которомъ онъ не могъ разобраться.

V.

Прошла недѣля. Гюлиджана увлекла и опутала душу Назарова. Она пѣла ему грустныя пѣсни Сафара, она съ дѣтской откровенностью открывала ему всю свою душу, не стыдясь и не робѣя высказывать ему самыя затаенныя чувства. И Назаровъ испытывалъ глубокое удовлетвореніе любви. Онъ не страдалъ, потому что все зналъ и все понималъ. Эта любовь нисколько не была похожа на ту страдальческую любовь, которая его мучила на сѣверѣ; эта любовь была для него вѣчно блаженнымъ настроеніемъ, къ которому онъ началъ даже привыкать, находя его вполнѣ естественнымъ. Это было счастье любви, счастье, которое такъ рѣдко дается и котораго мы часто не понимаемъ. Назаровъ жилъ въ этомъ чудномъ снѣ, забывъ далекій край, забывъ объ отъѣздѣ и мужѣ Гюлиджаны. Для него осуществлялась, наконецъ, мечта такъ долго, такъ напрасно жданной свободы.

Однажды подъ вечеръ, прежде чѣмъ идти къ Гюлиджанѣ, Назаровъ пошелъ прогуляться по бульвару на проспектъ. Онъ шелъ, ни о чемъ не думая,

ЗИМОЙ ПО ПРОСЕЛКУ. Ориг. рисун. **Э. Сулиманъ-Грузинскаго;** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ.**

ИНВЕНТАРЬ НАСЛѢДСТВА. Съ картины Н. Т. Малышева гравир. для „Родины“ И. Юревичъ.

веселый, беззаботный, какъ вдругъ совершенно неожиданно столкнулся съ высокимъ красивымъ господиномъ, изысканно одѣтымъ.

— А, какая пріятная встрѣча, Александръ Николаевичъ! — воскликнулъ тотъ, протягивая обѣ руки Назарову, — вотъ-то не ожидалъ застать васъ здѣсь!..

Назаровъ вздрогнулъ, его всего передернуло. Это былъ одинъ изъ его петербургскихъ знакомыхъ, Валерьянъ Викторовичъ Вальянскій, одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій и, повидимому, никакого состоянія, являются завсегдатаями первоклассныхъ ресторановъ, гдѣ имъ легко оказываютъ кредитъ, всегда изысканно одѣты, ѣздятъ на лихачахъ, носятъ шинели съ бобрами, золотые хронометры и брилліантовые перстни и булавки, — одинъ изъ тѣхъ людей, сытыхъ, рослыхъ, красивыхъ, которыхъ любятъ женщины, особенно старѣющія, и не уважаютъ мужчины.

Назаровъ инстинктивно презиралъ его и почти ненавидѣлъ, какъ можетъ ненавидѣть человѣкъ, весь сотканный изъ нервовъ, тупое, наглое, самодовлѣющее ничтожество.

Мгновенно въ душѣ Назарова воскресло все это знакомство. Онъ вспомнилъ свою унизительную ревность, когда этотъ человѣкъ, съ наглыми красивыми глазами, самоувѣренной улыбкой и манерами фата дурного тона, подходилъ къ той, кого онъ боготворилъ, и что-то говорилъ ей пониженнымъ голосомъ, и ея блѣдное лицо покрывалось порой легкой краской.

Назаровъ едва протянулъ ему руку, въ которую Вальянскій буквально вцѣпился.

— Ахъ, дорогой мой, вотъ удача, вотъ счастье! Вѣдь, говорили, что я васъ не застану здѣсь, что вы пробудете здѣсь дня два и поѣдете на границу Персіи...

— Кто это говорилъ? — сухо и пренебрежительно спросилъ Назаровъ.

— Серафима Сергѣевна, Серафима Сергѣевна, — словно обрадовался Вальянскій, — премилая женщина, она о васъ, Александръ Николаевичъ, очень высокаго мнѣнія, — добавилъ онъ.

Назаровъ задрожалъ отъ злобы и ревнивой ненависти.

„Такъ вотъ какъ, — подумалъ онъ, — я уѣхалъ, и меня разбираютъ съ этимъ шутомъ“...

— Вы можете не распространяться о достоинствахъ Серафимы Сергѣевны, — почти рѣзко проговорилъ Назаровъ, — я хорошо ее знаю...

Вальянскій какъ-будто не замѣчалъ тона Назарова.

— Ну, а вы какъ поживаете? Рисуете? довольны?.. Ахъ, божественныя горы, я безъ ума отъ нихъ!

Назаровъ шелъ, не отвѣчая.

— Послушайте, дорогой, — продолжалъ Вальянскій и фамильярно взялъ подъ руку Назарова.

Тотъ рѣзкимъ движеніемъ, съ нескрываемымъ отвращеніемъ, освободилъ свою руку.

(Окончаніе будетъ.)

Въ краю родномъ.

То пѣсню слышалъ я. Давно, давно то было,
Въ дни юности моей, въ странѣ моей родной.
Полдневный жаръ спадалъ. Багряное свѣтило,
Сводъ неба золотя, скрывалось за горой.
Я помню: старый домъ надъ рѣчкою зеркальной,
Какъ-бы задумавшись, скривившійся стоялъ,
Безмолвно отразясь въ поверхности хрустальной.
Онъ старъ былъ и угрюмъ и взоры поражалъ
Унылой ветхостью и полнымъ запущеньемъ,—
Казалось, въ немъ давно никто не обиталъ;
И лишь въ одномъ окнѣ игривымъ дуновеньемъ
Тамъ вѣтерь занавѣсъ кисейный колыхалъ...
Одинъ, задумавшись надъ сонною рѣкою,
Мечтая, я сидѣлъ въ вечерней тишинѣ.
Вдругъ звуки дивные, чарующей струею
Окрестность огласивъ, послышалися мнѣ.
Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй, какъ въ часъ прилива волны,
Играя и рѣзвясь, за звукомъ звукъ летѣлъ;
И голосъ молодой, огня и страсти полный,
Теперь не помню я какую, пѣсню пѣлъ...
Да, пѣсню слышалъ я... Лилась она, рыдала
Съ какой-то тайною привѣтливой тоской;
То тихо нѣжилась, то бурно трепетала
И таяла вдали, сливаясь съ тишиной.
Окрестный міръ дремалъ, какъ-бы завороженный
Той пѣсней дивною, въ какомъ-то сладкомъ снѣ,
И только вѣтерокъ одинъ неугомонный
О чемъ-то съ ивами шептался въ сторонѣ.
Я жадно ей внималъ, весь жаромъ обаянный,
И въ молодой груди сильнѣй кипѣла кровь;
Казалось мнѣ, что міръ — эдемъ благоуханный,
А жизнь моя — одно блаженство и любовь...
Но пѣснь окончена. Рыдая, умолкали
Тѣ звуки дивные и замерли вдали;
Но долго чудилось, что все еще звучали
И будто-бы цвѣты въ груди моей цвѣли.
Промчалось много дней... Въ скитаніяхъ унылыхъ
Незримо для меня за годомъ годъ бѣжалъ,
Но звуковъ дорогихъ, столь пламенныхъ и милыхъ,
Нигдѣ и никогда я послѣ не слыхалъ.
Да, пѣсню слышалъ я. Но что она сказала
Душѣ неопытной мелодіей своей,
О чемъ она лилась, что сердцу открывала?
Но нѣтъ, мнѣ не забыть той пѣсни прошлыхъ дней.
Я слышу эту пѣснь, — какъ-будто все рыдаетъ
Она въ моей груди, теперь уже больной...
И въ памяти моей такъ дивно воскресаетъ
И юность, и весна, и милый край родной.

П. Рыжковъ.

Сканировал reduktorer rutracker.org

Никчемный.

Разсказъ **Ал. Лавинцева.**

(Продолженіе.)

СТАРЫЙ городъ приткнулся на восточномъ берегу внутренняго рейда. Вдоль набережной ютились ряды каменныхъ домовъ, ползшихъ въ глубь по склонамъ надбрежной высоты. Ряды домовъ образовывали широкія свѣтлыя улицы, взбиравшіяся всѣ на главную портъ-артурскую площадь, просторную, веселую, украшенную, какъ рамкою, рядами домовъ изящной, легкой европейской архитектуры. Здѣсь былъ центръ Портъ-Артура, здѣсь недавно еще кипѣла ключемъ жизнь, но она стихла, замерла, покорно уступая мѣсто смерти и разрушенію.

Новый городъ раскинулся въ долинѣ близъ устья Лунхэ западнѣе, у небольшой бухты, образуемой здѣсь рейдомъ. Недавно это былъ веселый, оживленный городокъ. Тутъ жилъ народъ попроще, побѣднѣе и жизнь здѣсь не была замкнута въ такія тѣсныя рамки условности, въ какихъ она была сдавлена въ Старомъ городѣ. Утромъ здѣсь жизнь такъ и била ключемъ на китайскомъ базарѣ, куда собирались сотнями трудолюбивые манзы съ немудрыми продуктами своихъ огородовъ; здѣсь шлялись увальни-матросы, появлялись веселые, добродушные солдаты-стрѣлки; нѣсколько гостиницъ этого города были биткомъ набиты посѣтителями, магазины, получавшіе свои товары изъ Америки и Японіи, бойко торговали съ утра до вечера. Теперь все пропало: и оживленіе, и торговля — все исчезло, уступая мѣсто внезапно нахлынувшему военному бѣдствію. Тамъ, гдѣ утопали въ зелени красивые дома съ бѣленькими занавѣсями на большихъ окнахъ, теперь высились груды обгорѣлыхъ развалинъ или стояли мрачные скелеты полуразрушенныхъ строеній, высились громадныя кучи щебня и земли, чернѣлись глубокія ямы-воронки, прорытыя въ мостовыхъ гигантскими снарядами изъ чудовищъ-орудій.

Вездѣ, куда ни падалъ взглядъ, всюду были слѣды разрушенія, уничтоженія, смерти. Цѣлыми часами не видно было ни живой души на опустѣлыхъ улицахъ. Кое-какое движеніе было замѣтно только въ Старомъ городѣ на набережной у пристани, гдѣ приставали шлюпки съ судовъ эскадры, вошедшей на внутренній рейдъ послѣ злосчастнаго боя 28-го іюля.

Набережная была обсажена деревьями и недавно образовывала недурный бульваръ. Теперь было не до деревьевъ. Гибли люди и не хватало рукъ, чтобы оказать имъ помощь; за бульваромъ ходить было некому: молодыя деревца подсохли, опустили вѣтки съ поблеклой зеленью и только грусть наводили своимъ унылымъ видомъ...

На пристани копошилась толпа матросовъ и солдатъ. Они сгружали съ подошедшихъ баржъ какіе-то тяжелые предметы и къ громовому уханью орудій въ сторонѣ Дагушана примѣшивалась своеобразная русская «Дубинушка».

— Значитъ, крышка! — проговорилъ высокій загорѣлый матросъ, отирая струившійся по лицу потъ: — больше уже на япошекъ не пойдемъ.

Онъ ни къ кому лично не обращался со своими словами, сказалъ ихъ просто, въ пространство, выражая, быть можетъ, свои собственныя затаенныя мысли; тѣмъ не менѣе, одинъ изъ товарищей по работѣ нашелъ нужнымъ отвѣтить:

— Выходитъ такъ, что не пойдемъ... Куда тутъ уже? И то здорово попало...

— «Цесаревичъ» ушелъ, «Діана» тоже...

— Что-же, что ушли? И «Новикъ» ускользнулъ, а мы всѣ остальные вспять повернули...

— Ничего не попишешь, коли на то приказъ отъ адмирала вышелъ... Служба — ослушаться не моги!

— С-ми-ррно! — оборвалъ всѣ разговоры громкій окликъ.

Къ пристани подходила шлюпка. Гребцы-матросы съ пунктуальностью машины взмахивали веслами и неслышно опускали ихъ въ воду. На кормѣ шлюпки сидѣлъ высокій, крупный морякъ, смотрѣвшій изъ-подъ руки на берегъ.

— «Отважнаго» командиръ, — пронесся среди толпы чуть слышный шепотъ.

— На берегу командовать, что-ли, будетъ? — спросилъ загорѣлый матросъ у сосѣда.

— Не онъ, поди, одинъ, всѣ на берегъ сходятъ: вишь, начальнику обороны люди надобны... Приказъ объявили...

— Лихой командиръ Александра-то Васильевичъ!

— Другого такого у насъ во флотѣ поискать, какъ капитанъ Лебедевъ — всѣмъ это вѣдомо...

— И силою-то медвѣдь цѣлый: подковы ломаетъ, кочерги въ вензеля гнетъ...

— Не поздоровится отъ него япошкамъ...

Пока матросы переговаривались, шлюпка зачалила у пристани, и высокій, крупный капитанъ, котораго матросы называли Александромъ Васильевичемъ Лебедевымъ, легко очугился на помостѣ.

— Спасибо, молодцы! — кинулъ онъ на-ходу гребцамъ.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе! — раздалось въ отвѣтъ на эту благодарность капитана.

Шлюпка круто повернулась и стрѣлою понеслась назадъ къ стоявшимъ на рейдѣ судамъ.

Капитанъ Лебедевъ остался на помостѣ, видимо, поджидая кого-то. Всѣ, кто былъ поблизости къ нему, оставили работу и съ любопытствомъ, а въ то-же время и съ замѣтнымъ восторгомъ любовались этимъ человѣкомъ. Лебедевъ, дѣйствительно, былъ типичнымъ русскимъ красавцемъ-богатыремъ. Теперь, когда онъ стоялъ, выпрямившись во весь свой ростъ, онъ казался великаномъ въ сравненіи съ низкорослыми матросами и солдатами. Фигура его была богатырски-крупная, но все въ ней было пропорціонально, каждая часть тѣла соотвѣтствовала всей фигурѣ. Черты лица были такъ-же крупны, но гармоничны и дышали истинно русскимъ добродушіемъ и незлобивымъ юморомъ. Взглядъ голубыхъ глазъ былъ открытый, не таившій въ себѣ никакой задней мысли. Словомъ, вся внѣшность этого моряка была такъ привлекательна, что невольно заставляла любоваться каждаго *).

— Александръ Васильевичъ! — раздался голосъ съ берега, —чего-же вы стали? Идите, голубчикъ, скорѣе.

Лебедевъ быстро оглядѣлся и увидѣлъ около спуска на пристань среднихъ лѣтъ человѣка въ штатскомъ платьѣ и съ краснымъ крестомъ на рукавѣ.

— А, докторъ, вотъ вы гдѣ! — сипловатымъ баскомъ выкрикнулъ онъ: — а я-то смотрю, смотрю... уже хотѣлъ одинъ идти...

— Нѣтъ, зачѣмъ-же? Разъ условились сойтись,—должно быть такъ... — проговорилъ докторъ. — А жаль, Александръ Васильевичъ, право, жаль.

— Чего милѣйшій?

— Да вонъ...

Докторъ кивнулъ головой въ сторону рейда и даже слегка показалъ на него рукой. Тамъ, слегка накренившись, стояли теперь неподвижные, какъ-бы бездыханные, броненосцы портъ-артурской эскадры, искалѣченные и израненные въ недавнемъ бою. Всѣ они, такъ недавно казавшіеся грозными крѣпостями, огнедышащими плавучими островами, теперь представлялись и безпомощными, и жалкими. Ихъ перебитыя трубы, куски вырванной брони, свороченныя на сторону башни, перебитыя мачты съ оборвавшимися марсами производили ужасающее, гнетущее впечатлѣніе. На палубахъ и мостикахъ замѣтно было движеніе, но люди суетились, въ ихъ работѣ уже не было обычной стройности, даже съ берега было видно, что все дѣлалось кое-какъ, безъ всякаго старанія, съ однимъ только стремленіемъ покончить поскорѣе съ тягостною работою.

— А, вѣдь, какіе красавцы-то были!—невольно вырвалось у доктора.

— Были! Да, вы правы — были! — раздался около него сдавленный, звучавшій рыданіемъ шепотъ Лебедева: — были и нѣтъ теперь ихъ, нѣтъ ихъ, красавцевъ...

Красиво е лицо моряка было искажено тяжелою душевною мукою. Подъ вѣками проступили слезы, которыя онъ не могъ, а можетъ быть, и не хотѣлъ скрыть.

Морякъ нервно кусалъ губы, стараясь подавить свое волненіе, но оно не поддавалось его усиліямъ и съ устъ его рвались отрывистыя восклицанія:

— Были! Да... Исторія разскажетъ нашимъ дѣтямъ и внукамъ, почему они «были» и почему ихъ нѣтъ... а мы... мы будемъ молчать...

Стонъ вырвался изъ широкой груди моряка.

— Полноте, дорогой мой, успокойтесь, — ласково взялъ его подъ руку докторъ, — ну, что-же подѣлать?

— Что подѣлать? Глядите, — протянулъ впередъ руку Лебедевъ, — здѣсь двѣсти милліоновъ русскихъ трудовыхъ денегъ... двѣсти милліоновъ рублей, собранныхъ по грошамъ... Не въ деньгахъ только дѣло... Нѣтъ! Деньги что? А пропали онѣ напрасно... безъ пользы пропали...

— Бросьте, подчинятъ бѣдняковъ и они все дѣло поправятъ... Раскостятъ Тогошку... дайте только срокъ... Не все-же нена стье да ненастье, авось и солнышко проглянетъ...

Лебедевъ махнулъ рукой.

— Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ! — проговорилъ онъ болѣе спокойно: — пойдемте, докторъ!

— Вотъ такъ-то лучше, родной мой! — воскликнулъ тотъ, едва поспѣвая за быстро шагавшимъ богатыремъ: — радуюсь за васъ, мнѣ кажется, что вы успокаиваетесь... Ну, зачѣмъ такой пессимизмъ? Ну, потрепали васъ тамъ малость — эка важность! Все поправится, все придетъ въ свое время...

— Съ Дагушана сбросили? — поворотился къ нему въ полуоборота морякъ.

— Увы! — развелъ руками докторъ.

— Съ Волчьихъ тоже?

— Тоже!..

---

*) Портретъ А. В. Лебедева см. «Всемірное Обозрѣніе» № 3 за 1904 г.

— На Панлуньшанъ непрерывные штурмы?

— Которые всѣ отбиты...

— Недоставало, чтобы Высокую взяли...

— Нѣтъ, вы погодите, родной,—перебилъ его докторъ,—вы послушайте! Что случилось-то! Капитана Курковскаго вы знали?

— Старика? пѣхотинца?

— Вотъ, вотъ... Сибирякъ онъ.

— Что-же съ нимъ? Онъ на Дагушанѣ со своими стоялъ? Живъ?

— Какое тамъ живъ! Развѣ такіе, какъ этотъ Курковскій, живыми со своихъ мѣстъ уходятъ? Погибъ онъ, славною смертью умеръ...

— Такъ что-же вы о немъ-то?

— Вотъ, разсказать вамъ хочу... У меня какъ разъ на попеченіи свидѣтель его смерти — вѣрнѣе, подвига... вижу, что не слышали .. Хотите?

— Разсказывайте...

— Дагушанъ знавали? По общимъ единогласнымъ отзывамъ, преподлѣйшая позиція. На три версты все, какъ на ладони съ нея...

— А до восьмисотъ шаговъ съ двадцати хоть балъ подъ выстрѣлами устраивай: ничего не видно. Да, это такъ... Я уже слыхалъ: японцы подобрались туда.

— Но сразу на штурмъ не пошли, а стали подкапливаться, вѣрно! А потомъ обложили всю гору, да и начали стѣнами взбираться. Наши-то было въ штыки ихъ, нѣтъ—куда тутъ! Одну стѣну сбросятъ — другая ей на смѣну, эту положатъ, глядь, третья выросла, а за ней четвертая поднимается. Что тутъ, дорогой мой, было—просто не приведи Богъ! Зашли это они такъ, что съ трехъ сторонъ оказались. Бьютъ насъ прямо наперекрестъ: держаться никакой возможности нѣтъ. Лѣзетъ этихъ желторылыхъ видимо-невидимо, какъ мурашей изъ сырого угла. Курковскій, знаете-ли, развѣ малость послабѣе библейскаго Самсона, хоть и старикъ. Дѣтина васъ повыше и въ плечахъ пошире, мускулы на рукахъ, что твои канаты. Представьте себѣ, пулей навылетъ въ грудь былъ раненъ и на ногахъ остался! Чувствовалъ, видно, старецъ, что погибнуть придется, да раненый, кровью истекающій, съ шашкой наголо впереди взвода въ самую гущу вражескую бросился. Сгоряча-то, должно быть, и раны не чувствовалъ! Разсказывали, что такъ онъ въ этотъ моментъ страшенъ былъ, что ополоумѣвшіе японцы съ удивленіемъ предъ нимъ разступились, а онъ ихъ такъ и катаетъ... Разъ — и японецъ съ ногъ долой, два — и другой кувыркается... со штыками на него кинулись, такъ онъ еще шестерыхъ уложилъ, да обезсилѣлъ, должно быть: еще-бы! такая потеря крови! Споткнулся, что-ли, или какъ уже тамъ вышло, а свалили его... всего штыками изрѣшетили... Такъ что вы думаете? Лежитъ старичекъ нашъ на землѣ, кровью весь залитъ, а самъ все-таки шашкой рубитъ — какіе, конечно, тутъ удары? а все-таки рубитъ и японцевъ этихъ во все горло по-нашему, по-россейски, чепушитъ... Разсказывали, что онъ съ земли, лежа, еще двоихъ желтолицыхъ успокоилъ... Они такъ освирѣпѣли, что и умереть самому не дали: горло перерѣзали...

— Вѣчная память герою! — перекрестился Лебедевъ.

— Именно, герой! — подхватилъ послѣднее слово его спутникъ, — вы только, подумайте: раненый въ грудь навылетъ десятерыхъ одинъ уложилъ... десятерыхъ! А такихъ Курковскихъ не одинъ въ здѣшнихъ войскахъ. Семьишка, поди, тоже осталась... Когда-то еще узнаютъ, что въ живыхъ его нѣтъ болѣе.

— У меня, — нѣсколько врачно произнесъ Лебедевъ, — въ Ораніенбаумѣ, — подъ Петербургомъ, знаете? — жена и пятеро ребятъ остались... Вспомнишь о нихъ, и не по себѣ какъ-то станетъ... Вѣрите-ли, иногда задремлешь, всѣ они въ дремѣ, какъ живые, стоятъ, улыбаются, тянутся, и, право, если-бы пришлось быть въ положеніи Курковскаго, я такъ-же-бы, какъ онъ поступилъ-бы... Лучше умереть, чѣмъ вонъ дѣло погубить какъ тамъ, — слегка кивнулъ онъ назадъ, въ сторону рейда.

— Опять за старое! — воскликнулъ докторъ, — вы лучше на этихъ молодцовъ взгляните, какъ ихъ Григоровичъ вымуштровалъ...

Въ это время они уже были на центральной площади. Тамъ обучались маршировкѣ добровольческія дружины, устройство которыхъ было поручено генераломъ Стесселемъ командиру надъ портомъ, контръ-адмиралу Григоровичу. Всѣ, кто изъ не военныхъ оставался въ Артурѣ, вошли въ эти «торгово-промышленныя дружины», какъ ихъ звали въ осажденномъ городѣ. Ихъ составляли купцы, приказчики, служащіе русско-китайскаго банка и другихъ частныхъ предпріятій, домовладѣльцы. Это были люди всякихъ возрастовъ, никогда не бывавшіе на военной службѣ. Тѣ изъ нихъ, кто имѣлъ лошадей, составили конный отрядъ. Въ начальники дружинъ были назначены опытные офицеры, но вначалѣ дѣло шло не споро. Особенно плоха была одиннадцатая дружина, осмотрѣвъ которую генералъ Стессель далъ такой приказъ:

«Шли нестройной толпою... вразбродъ... ружья держали, какъ попало: кто на правомъ, кто на лѣвомъ плечѣ; были и такіе, что несли ихъ прикладами вверхъ, и одинъ такъ даже волочилъ ружье по землѣ, держа его за штыкъ»...

Послѣ такого нелестнаго отзыва слѣдовалъ уже энергичный приказъ:

«Этимъ людямъ не мѣсто въ рядахъ войскъ: расформировать ихъ въ санитары!»

Досталось, впрочемъ, не одной одиннадцатой дружинѣ. И другихъ коснулся энергичный стесселевскій приказъ:

«Собраться назначено было въ восемь часовъ утра, собрались едва къ одиннадцати... Гдѣ-же господамъ вставать такъ рано? Вотъ ежели въ «Варьетэ» хороводиться до двухъ часовъ ночи, это — ихъ дѣло»..

Однако, не всѣ «господа» такъ относились къ дѣлу. Были среди нихъ люди, настолько проникнутые идеей, что для ополченской службы жертвовали всѣ свои силы.

Удивительное мужество проявилъ во время службы въ дружинѣ уполномоченный Краснаго Креста, камергеръ Балашевъ. И общественное положеніе, и труды по «Красному Кресту» и, главное, почтенныя лѣта могли-бы его избавить отъ службы въ дружинѣ ополченцевъ, а, между тѣмъ, этотъ убѣленный сѣдинами меценатъ и богачъ въ назначенные для ученій дни въ семь часовъ утра всегда бывалъ со всѣми подъ ружьемъ на учебной площадкѣ, старался выдѣлывать всѣ ружейные пріемы прилежно стрѣлялъ по мишени, маршировалъ и никогда никто не слыхалъ отъ него жалобъ на утомленіе.

— Почему-бы вамъ не покинуть Артура? — спрашивали у Балашева его товарищи по дружинѣ, — въ ваши годы при вашемъ положеніи можно было-бы и не подвергать своей жизни опасности..

— Я уже пожилъ достаточно, — было отвѣтомъ, — что моя жизнь? Здѣсь мнѣ хочется быть примѣромъ молодежи...

И старецъ, дѣйствительно, служилъ такимъ примѣромъ и рвенія, и неутомимости, и исполнительности..

Изъ ополченскихъ дружинъ, въ концѣ концовъ, кое-что вышло. Дружинники научились и маршировать, и стрѣлять, и даже умѣли распознавать назначенныя имъ на позиціи мѣста, куда и должны были являться по первому требованію. Впрочемъ, устойчивое войско дружины эти и представлять не могли, ибо каждый могъ оставить службу въ нихъ, подъ непремѣннымъ, однако, условіемъ покинуть Артуръ.

На свѣжій взглядъ, дружинники представляли изъ себя курьезное войско. Опредѣленной формы не было, каждый являлся въ своемъ платьѣ. Воины были въ пиджакахъ, сюртукахъ, тужуркахъ, рубахахъ съ жилетками поверхъ ихъ, и только мѣдный крестъ на головномъ уборѣ свидѣтельствовалъ о причастности этихъ людей къ военному дѣлу.

Дружинники въ это время, покончивъ съ ученіемъ, разбились на кучки и среди нихъ слышались громкія звучавшія негодованіемъ восклицанія:

— Ишь чего захотѣли! — громко выкрикивалъ высокій съ узкой грудью парень, служившій до того приказчикомъ въ одномъ изъ чайныхъ магазиновъ: — Артуръ имъ сдать! А? Какъ это вамъ покажется? Да не въ жизнь. Покель кровь течетъ и на ногахъ стоимъ — не отдадимъ имъ своего достоянія! Вотъ этого вмѣсто Артура не хотите-ль?

Парень, осерчавшій до-нельзя, сдѣлалъ въ ту сторону, гдѣ, по его мнѣнію, должны быть японцы, весьма не двусмысленный, хотя и символическій жестъ.

Кругомъ раздался одобрительный хохотъ.

— Такъ, Никитинъ, такъ! — послышались отдѣльныя восклицанія, — это ты вполнѣ справедливо!

Очевидно, символисту изъ-за прилавка удалось однимъ жестомъ выразить общее настроеніе.

— Парламентеръ былъ? — спросилъ Лебедевъ у своего спутника.

— Да, съ предложеніемъ капитуляціи во избѣжаніе напраснаго кровопролитія.

— И что-же нашъ генералъ?

— Какъ и должно было ожидать, отвѣтилъ отказомъ...

— Дѣйствительно, отъ Анатолія Михайловича и не могло быть другого отвѣта... Вотъ человѣкъ! А какъ онъ отнесся къ предложенію?

— Что и говорить! Онъ покраснѣлъ такъ, что опасались, какъ-бы съ нимъ не было удара... Побагровѣлъ весь, но отвѣтилъ сдержанно... Приказалъ благодарить маршала Ноги за заботы и передать ему, что, пока останется малѣйшая возможность держаться, онъ крѣпости не сдастъ... Видно было, что не дешево далась ему эта сдержанность... Идемте, однако, дорогой капитанъ, идемте скорѣе... Мнѣ за достовѣрное передавали, что есть вѣсти изъ Чифу отъ Рощаковскаго... Изъ Владивостока... оттуда что-то ужасное... Говорятъ, былъ тоже бой.

Они скрылись въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домиковъ площади.

На площади дружинники все еще не расходились и продолжали галдѣть на всѣ лады, обсуждая японское предложеніе, казавшееся большинству этихъ простыхъ русскихъ людей обидною насмѣшкою.

ЗА ЧТО? Съ картины **М. Р. Малышева** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

— Штурмъ ты задумалъ, — ораторствовалъ все тотъ-же парень-символистъ, — такъ сдѣлай одолженіе, штурмуй, братецъ, пожалуйста: намъ твоихъ солдатишекъ не жалко, а оскорблять не моги. . Не то мы и сами съ усами!..

— Вѣрно, братъ, вѣрно! — одобряли оратора слушатели:— столько насъ здѣсь собралось, да чтобы сдаваться? Будемъ держаться, пока не выручатъ...

— А если не выручатъ?—послышался боязливый вопросъ.

— Тогда и разговоръ будетъ, тогда и видно все будетъ, какъ на ладони, а до тѣхъ поръ что зря и языкомъ ляскать.

— Братцы! Берегись! — пронесся отчаянный, похожій на вопль крикъ.

Толпа замерла на мгновеніе, потомъ вдругъ всѣ, какъ по сигналу, кинулись въ разныя стороны. Площадь моментально опустѣла. Во внезапно наступившей тишинѣ слышался не то противный свистъ, не то жужжанье гигантскаго шмеля. Въ воздухѣ виднѣлся несшійся съ поразительной быстротой огромный снарядъ. Онъ миновалъ площадь и, описывая въ пространствѣ кривую, со все увеличивавшейся быстротою сталъ склоняться къ землѣ...

Это былъ одинъ изъ первыхъ снарядовъ, выпущенныхъ японцами изъ доставленныхъ къ осадному корпусу тяжелыхъ осадныхъ орудій.

Начиналось августовское бомбардированіе многострадальнаго Портъ-Артура.

Никакое перо не въ силахъ передать то, что творилось въ эти дни, никакое, даже самое пылкое воображеніе не въ состояніи представить себѣ общую картину этого ужаса. Страшныя бомбардированія Севастополя кажутся дѣтскою потѣхою въ сравненіи съ этимъ бомбардированіемъ. Если вообще возможенъ вещественный адъ со всѣми его ужасами, то Портъ-Артуръ сталъ его точною копіей на землѣ. На всѣ русскіе форты, начиная съ 6-го августа, лился непрерывный дождь гранатъ. Именно непрерывный! Снаряды, направленные пристрѣлявшимися артиллеристами, если можно такъ выразиться, «долбили» заранѣе намѣченныя японцами мѣста. Казалось, какія-то неземныя чудища, исчадья ада, вытягивали къ портъ-артурскимъ фортамъ свои безчисленные хоботы, стремясь сорвать ихъ съ лица земли. Гулъ отъ выстрѣловъ уже не походилъ теперь на удары исполинскихъ молотовъ,— нѣтъ, тысячи громовъ теперь сливались вмѣстѣ и не умолкали въ теченіе дня ни на мгновеніе. Русскія пушки отвѣчали слабо: невозможно было опредѣлить, гдѣ въ долинахъ и балкахъ притаились всѣ эти неистово ревѣвшія чудовища. Хорошо сумѣли укрыть свои баттареи японцы, а въ Портъ-Артурѣ не было воздушнаго шара, съ помощью котораго, поднявшись на высоту, можно было-бы открыть ихъ. Подъ этотъ страшный, невыносимый гулъ, японцы въ первый-же день бомбардированія кинулись въ аттаку на «Метровую высоту», расположенную на горной грядѣ юго-восточнѣе бухты Луизы. На этой высотѣ, незадолго до начала осады наскоро былъ возведенъ фортъ, окруженный казематированными *) траншеями. Въ стѣнахъ форта были пробиты бойницы, укрѣпленныя мѣшками съ землей. Этотъ фортъ былъ вооруженъ четырьмя пулеметами, двумя четырехдюймовыми орудіями и пятью полевыми орудіями. Японцы кинулись къ нему, ободряя себя неистовымъ крикомъ. Они шли открыто, не обращая вниманія на несшійся имъ навстрѣчу градъ пуль и рвавшуюся прямо надъ ними шрапнель. Груды бойцовъ падали, не будучи въ силахъ преодолѣть стѣну изъ несущаго смерть свинца, посланную имъ навстрѣчу русскими пулеметами. Оставшіеся въ живыхъ, не обращая вниманія на гибель, рвались все впередъ и впередъ. Однако, ихъ остановили проволочныя загражденія. Ихъ эти обезумѣвшіе храбрецы не смогли преодолѣть. Каждая секунда промедленія уносила десятки жизней. Груды тѣлъ все росли и росли; въ живыхъ оставались только немногіе. Порывъ стихъ и отчаянная живая волна отхлынула назадъ.

Японскія живыя волны разбились о непоколебимую стойкость русскихъ исполиновъ.

Когда наступило сравнительное спокойствіе, русскіе бойцы замѣтили, что противникамъ удалось овладѣть небольшимъ люнетомъ, выдвинутымъ метровъ на пятьсотъ впередъ оставленной жителями китайской деревнюшки Швиши. Это былъ незначительный успѣхъ, но чудо-богатыри не хотѣли и его доставить своему противнику. Какъ взрывъ невидимаго горна, вспыхнуло русское «ура» и къ люнету, занятому японцами, перегоняя другъ друга, кинулись роты портъ-артурскихъ стрѣлковъ. Они бѣжали со штыками наперевѣсъ, безъ выстрѣла, съ однимъ только «ура», такъ и рвавшимся изъ богатырскихъ грудей. Японцы не ожидали такого скораго натиска, но все-таки встрѣтили аттакующихъ непрерывнымъ огнемъ. Русскіе герои шли, не обращая вниманія на пули, прямо къ горжѣ **) люнета. Удивительная русская смекалка и здѣсь сослужила свою службу. Подъ градомъ японскихъ пуль артурцы подтащили къ самой горжѣ свои пулеметы и черезъ нее начали засыпать пулями все внутреннее пространство люнета. Нѣсколько минутъ была слышна адская трескотня. Прислуга у пулеметовъ то и дѣло мѣнялась, но зато градъ пуль, поражавшихъ засѣвшихъ въ люнетѣ японцевъ съ самаго близкаго разстоянія, совершенно очистилъ его отъ нихъ. Тамъ, гдѣ только что были люди, полные силъ, здоровья, энергіи, выросла куча тѣлъ. Тамъ, откуда только что неслись радостные, побѣдные кличи: «банзай», «Нишонъ», слышались предсмертное хрипѣнье и душу надрывающіе стоны раненыхъ. Выставленный было японцами ихъ флагъ, съ расходящимися отъ желтаго круга по бѣлому полю желтыми полосами исчезъ и къ трескотнѣ все еще надсѣдавшихся пулеметовъ присоединилось восторженное, побѣдное русское «ура».

Люнетъ былъ возвращенъ.

Однако, настойчивость и безпримѣрное упорство желтолицыхъ враговъ русскихъ чудо-богатырей какъ-будто не знали никакихъ предѣловъ.

Ихъ аттаки, бѣшенно-остервенѣлыя, безумно-упорныя, были отбиты всюду, но, какъ только спустились съ высотъ назадъ въ низины отброшенныя толпы штурмующихъ, какъ только выходили они изъ-подъ обстрѣла своего огня, сейчасъ-же принимались за свою страшную работу японскія баттареи и опять лился на русскіе форты градъ вражескихъ снарядовъ.

Восьмого августа японцы начали уже дѣйствовать шрапнелью. Ихъ огонь былъ направленъ, главнымъ образомъ, на панлуншанскіе и сѣверно-кикванпанскіе форты.

Цѣлый день безъ перерыва рвалась шрапнель надъ брустверами этихъ фортовъ. Дождемъ сыпались пули на ихъ защитниковъ и положительно изумительна стойкость, съ какой выдерживали весь этотъ адъ русскіе чудо-герои. Чистой шрапнельныхъ снарядовъ рвался, прикрывая наступленіе японской пѣхоты, и тогда наши богатыри бывали принуждены выходить изъ-подъ прикрытій и принимать въ штыки случайно прорвавшихся черезъ заграждения обезумѣвшихъ враговъ. Штыковой бой вспыхивалъ какъ-то сразу. Бойцы сходились грудь съ грудью, штыкъ со штыкомъ. Нѣсколько минутъ были слышны лязгъ желѣза, хриплые крики, надрывистые вопли и стоны, потомъ выростала груда труповъ и затѣмъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывало, обѣ стороны расходились. Одни возвращались въ свои прикрытія, другіе стремглавъ пускались назадъ, провожаемые сотнями мчавшихся вдогонку имъ пуль. И такъ было цѣлый день на всѣхъ линіяхъ, гдѣ происходилъ штурмъ.

Особенно упорны были живые удары японцевъ на «фортъ оборонявшій «высоту въ 203 метра».

Эта высота носила также названіе «Высокой» и приходилась сосѣдкою «Метровой высотѣ», нѣсколько вдавшейся въ глубь материка. Высокая гора и Метровая высота вмѣстѣ съ Угловой, Ястребиной и Вальдшнеповой представляли собой важнѣйшіе пункты на западномъ фронтѣ обороны. Съ Высокой горы обстрѣливались весь рейдъ и Новый городъ, и если-бы японцы попали сюда, паденіе Портъ-Артура было-бы неизбѣжно.

Фортъ, оборонявшій высоту «въ 203 метра», защищалъ не особенно многочисленный, но обтерпѣвшійся въ бояхъ обстрѣлянный гарнизонъ, въ составѣ котораго входила и та рота, гдѣ числился «никчемный стрѣлокъ» Чимбирновъ. Въ резервѣ этой позиціи были поставлены только что сведенные съ судовъ морскіе батальоны, начальникомъ которыхъ былъ назначенъ бывшій командиръ «Отважнаго», капитанъ Лебедевъ.

Когда въ самомъ началѣ бомбардированія Александръ Васильевичъ вмѣстѣ со своимъ знакомцемъ докторомъ оставилъ кружекъ товарищей, получившихъ вѣсти о всемъ свершившемся въ эти дни за предѣлами осаднаго раіона, печально было у него на душѣ...

Тяжелыя, тоску наводящія были эти вѣсти...

Портъ-Артуръ былъ отрѣзанъ осадою отъ всего внѣшняго міра, но все-таки досужіе и падкіе на деньги китайцы ухитрялись доставлять въ осажденный городъ вѣсточки изъ близкаго, но въ то-же время и страшно далекаго, недоступнаго для артурцевъ внѣшняго міра. Черезъ китайцевъ, какими-то судьбами ухитрившихся прошмыгнуть на своихъ джонкахъ черезъ блокаду, которая, къ слову сказать, въ началѣ августа не была особенно строга, въ Артурѣ узнали о боѣ владивостокскихъ крейсеровъ съ эскадрой Камимуры въ проливѣ Цусима, когда геройскою смертью погибъ въ волнахъ Японскаго моря славный «Рюрикъ», и объ участи «Цесаревича», «Аскольда», «Діаны», принужденныхъ разоружиться въ нейтральныхъ портахъ, и о поразившей весь міръ безмѣрно удалой выходкѣ Рощаковскаго, который якобы въ нейтральномъ Чифу со своими молодцами-матросами не задумался кулаками противъ японскихъ ружей и штыковъ-кинжаловъ защищать своего «Расторопнаго»...

Все это были неутѣшительныя вѣсти, и когда пришла вѣсть о трагической гибели «Новика», единственнаго крейсера, выполнившаго приказъ несчастнаго адмирала Вит-

*) Защищенныя отъ навѣснаго огня.

**) Открытая задняя часть укрѣпленія.

гефта — прорваться сквозь блокаду, нѣчто похожее на уныніе овладѣло даже неустрашимыми защитниками Артура.

Впрочемъ, пѣхотинцы относились ко всему случившемуся сравнительно спокойно; чувствовали себя обиженными судьбой моряки. Вѣдь, рядъ тяжелѣйшихъ неудачъ въ эти печальные дни выпалъ именно на долю портъ-артурскаго флота.

— Это все ничего! — успокаивающе говорилъ капитанъ Кононовъ Лебедеву, когда они впервые встрѣтились на позиціи, — страшенъ, батенька, сонъ, да милостивъ Богъ! Продержимся мы, не сдадимъ, а тамъ и командующій арміей подоспѣетъ, выручитъ насъ... Отъ Ляояна не такъ далеко... Прилетятъ наши, ну, вотъ и осадѣ всей этой конецъ...

— Все это такъ, — соглашался Лебедевъ, — но флотъ нашъ, флотъ гибнетъ...

— Что подѣлать? Всякое великое дѣло жертвъ требуетъ... Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ щепки непремѣнно летятъ... Вотъ у насъ роты такъ и рѣдѣютъ... Ни въ одной, кажется, штатнаго состава нѣтъ, а держимся, не унываемъ...

— Счастливые люди!

— Ну, счастливые, не счастливые, а вѣруемъ, и вѣра спасаетъ насъ...

— Вотъ тѣмъ-то и счастливые... А если-бы вы видали наши суда въ порту...

— Опять говорю: что подѣлать?.. Я вотъ ротой командую не первый годъ, сжился съ людьми, каждый нижній чинъ мнѣ, что родной... Каково мнѣ видѣть, какъ они гибнутъ... Зубами скрежещешь, чтобы слезы сдержать и людямъ грустной физіономіи не показать, когда вереницы носилокъ на перевязочный пунктъ съ позиціи тянутся... Вѣдь, на носилкахъ-то все свои родные, близкіе... Наша рота, напримѣръ, сжилась, что твоя семья... Вотъ у насъ «ротный пасынокъ» безъ вѣсти пропалъ, а сердце и за него щемитъ.

Капитанъ пустился въ длинный сбивчивый разсказъ с Чимбирновѣ. Лебедевъ слушалъ его разсѣянно, мысли молодого капитана витали далеко, онъ даже, не подмѣтилъ нотки затаеннаго безпокойства, явно звучавшей въ голосѣ Кононова, когда онъ говорилъ о никчемномъ стрѣлкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, капитанъ былъ перепуганъ...

Послѣ схватки, въ которой пропалъ Чимбирновъ, солдаты, товарищи пропавшаго, обратили особенное вниманіе на исчезновеніе этого «ротнаго пасынка».

— Какъ угодно, дяденька Иванъ Васильевичъ, — говорилъ фельдфебелю Бобкову пользовавшійся особеннымъ его благоволеніемъ рядовой Шевкинъ, — какъ вамъ угодно, а осмѣлюсь доложить, что, видится, будто дѣло не чисто...

— Какое, Шевкинъ, дѣло? — вскинулъ на солдата глаза Бобковъ: — ты, братъ Шевкинъ, скажемъ къ примѣру, говори прямо!.. А то кому, братъ, дадено отъ природы знать, о чемъ всякій нижній чинъ думаетъ? Такъ и докладывай, Шевкинъ, ты про что?

— Да все, дяденька Иванъ Васильевичъ, про Чимбирнова...

— А что-же про него? Помѣчено въ рапортѣ: «пропалъ безъ вѣсти», и баста.

— Да нѣтъ-же, дяденька Иванъ Васильевичъ, — съ упорствомъ продолжалъ настаивать Шевкинъ, — вы извольте выслушать, какое дѣло...

— Какое тамъ, Шевкинъ, дѣло... Одно, братъ, дѣло, что грѣхъ на товарища клепать...

— Не поклепъ, дяденька, а видимость... Послѣ, какъ мы японовъ-то прогнали, такъ ходили своихъ искать... всѣхъ нашли, а Чимбирнова нѣтъ... Поддался онъ японамъ въ плѣнъ, и, поди, теперь, толстомясый чертъ, благодушествуетъ тамъ у нихъ...

(Окончаніе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Бѣленіе хаты. (Къ рис. на стр. 65.) И хатка неказиста, и видъ этихъ трудящихся женщинъ не особенно пригляденъ, и работу ихъ, до ея окончанія, опрятною назвать нельзя, а взглянешь на всю эту картину въ общемъ, и въ сердцѣ разольется какая-то теплота и невольно скажешь самому себѣ: «Не такъ-то ужъ плохъ Божій міръ, какъ иногда думается». Почему, однако, вдругъ могутъ нахлынуть такія чувства? Право, Божья тайна. Вѣдь, и жизнь-то вся на землѣ, да и самая-то земля—загадка!.. Такъ вотъ хочется думать просто, что въ этой хаткѣ, которая сама по себѣ такъ бѣдна и убога, но которую такъ любятъ и о которой такъ заботятся эти бѣдные люди, что имъ живется хорошо, что они живутъ въ ней, любя другъ друга, въ мирѣ и лучшаго житья себѣ не желаютъ. А мысль, что гдѣ-то есть люди, которые не желаютъ лучшаго себѣ житья, сама по себѣ можетъ вызвать чувство полнѣйшаго удовлетворенія и довольства.

Заблудился. (Къ рис. на стр. 71.) Какъ случилось, что онъ отсталъ отъ товарищей, онъ и самъ не знаетъ: незамѣтно какъ-то подкралась темная ночь, зажглись въ синемъ небѣ яркія звѣзды, затрещалъ сильнѣе дѣдъ-морозъ, и тутъ-то только спохватился увлекшійся молодецъ. Не страшитъ его, конечно, темный лѣсъ, не боится онъ ни звѣрей, ни лихихъ людей, но вотъ дѣдъ-морозъ въ долгую ночь въ лѣсу можетъ испугать хоть кого! Умирать ни за что никому не хочется, а, вѣдь, смерть теперь предъ лицомъ стоитъ.

Выносъ раненаго съ поля сраженія. (Къ рис. на стр. 73.) «Самъ погибай, а товарища спасай». Это правило военныхъ людей не надо повторять нашимъ солдатикамъ. Видя страданія товарища, котораго можно спасти, всякій изъ русскихъ воиновъ забываетъ о себѣ, забываетъ объ опасностяхъ. Если-же въ бѣдѣ не товарищъ, а начальникъ, тогда русскій солдатъ уже ни на что не посмотритъ. Если добрый былъ начальникъ, за доброту его не оставитъ въ бѣдѣ солдатъ; если нѣтъ, христіанинъ-воинъ за обиду добромъ отплатитъ. Невыразимые ужасы показала текущая война съ японцами, но она-же дала возможность многократно показать міру ею прекрасную, добрую душу простому русскому солдату. Выносъ раненыхъ съ мѣста сраженія подъ огнемъ непріятеля совершался въ текущую войну постоянно нашими простыми санитарами-солдатиками; неоднократно возвѣщали съ театра войны корреспонденты и оффиціальныя телеграммы о лихихъ поискахъ нашихъ охотниковъ съ единственною цѣлью унести раненыхъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ непріятелемъ.

Зимой по проселку. (Къ рис. на стр. 79.) Знакомая всѣмъ жителямъ провинціи картинка. Незамѣтною лентой вьется зимняя проселочная дорога среди необозримаго снѣжнаго поля или по краю перелѣска. Рѣдко можно встрѣтить прохожихъ и проѣзжихъ по ней, но бываютъ дни, когда и она оживляется. Каждую недѣлю предъ базарнымъ днемъ тянутся однѣ за другими по проселку къ городу деревенскія сани. Кому нужно купить что въ городѣ, кому—продать, кому—и то, и другое вмѣстѣ. Не для удовольствія совершаются эти поѣздки, и посмотрите, сколько въ нихъ неподдѣльной, простой прелести. Каждый изъ насъ, жителей города, можетъ позавидовать этой деревенской женщинѣ и ея юному возницѣ.

Инвентарь наслѣдства. (Къ рис. на стр. 81.) Не только этими странными, ни къ чему не примѣнимыми, безполезными вещами, собранными въ не менѣе странной комнатѣ, ограничивалось полученное ею наслѣдство: цѣлый домъ, родительскій домъ, который она покинула, выйдя замужъ, достался ей. Въ немъ было много комнатъ, имѣющихъ современный видъ, уютныхъ, красивыхъ, обставленныхъ необходимыми мебелью и вещами, но почему-то ни одна изъ тѣхъ комнатъ и ни одна изъ стоящихъ въ нихъ вещей не унесла ея въ мечтахъ и воспоминаніяхъ такъ далеко, какъ эти старинныя комната и вещи. Сколько поколѣній собирали и сберегали эти вещи, сколько такихъ наслѣдницъ и наслѣдниковъ, какъ она, останавливались на нихъ взоромъ и погружались въ воспоминанія! Теперь отъ всѣхъ бывшихъ раньше ея наслѣдниковъ остались одни лишь висящіе по стѣнамъ въ этой странной комнатѣ портреты. Несомнѣнно, придетъ время, когда и отъ нея останется тоже только портретъ. Мигомъ и помимо воли промелькнуло все это въ головѣ наслѣдницы, несмотря на то, что она была еще очень молода, что ей нечего было задумываться о тлѣнности всего земного. Почему это такъ? Не таятъ-ли уже въ себѣ старыя вещи мысли и опытность своихъ прежнихъ прожившихъ свой вѣкъ владѣльцевъ и не обладаютъ-ли пережившіе вѣка, никому не нужные, но, тѣмъ не менѣе, сберегаемые съ любовью и заботливостью эти старые бокалы, шлемы, оружіе способностью передавать опытъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ разсматривающимъ ихъ въ одиночествѣ новымъ обладателямъ?

За что? (Къ рис. на стр. 8 .) За что, на самомъ дѣлѣ? Развѣ она шла убивать? развѣ въ ея груди горѣла ненависть къ врагу? развѣ она желала причинить ему зло? Нѣтъ, для нея не было враговъ: для нея были только страдающіе и только муки этихъ страдающихъ, все равно кто-бы ни были они, она шла облегчать сюда, на это поле смерти. За что-же? за что? Да, мучительный вопросъ, но какъ и кто отвѣтитъ на него и кого можетъ удовлетворить какой угодно отвѣтъ? Война требуетъ жертвъ, смерть пируетъ на ней свой вакхическій праздникъ и роковая коса коситъ направо и налѣво молодыя жизни, не разбирая за что!..

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

722

Я. БЕККЕРЪ

ПОСТАВЩИКЪ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.
СПБ., Казанская площ., № 18.

РОЯЛИ.
ПІАНИНО.
Иллюстриров. каталоги безплатно.

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ"

новѣйшая американская клавіатурная пишущая машина съ видимымъ во время писанія шрифтомъ. Машина эта пишетъ безъ ленты и шрифтъ мѣняется, вслѣдствіе чего на одной и той же машинѣ можно писать на различныхъ языкахъ. Цѣны: № 5—100 руб., № 7—140 р. Образцы шрифтовъ и прейсъ-кур. безплатно.

Торг. Домъ **Кинкманъ и К°**, С.-Петербур. Горохов. 17.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!

ИЗЪ НАСТОЯЩАГО АФРИКАНСКАГО ЗОЛОТА, НЕ ПОЗОЛОЧЕННЫЕ.

Новоизобрѣтен. карманные мужскіе или дамскіе часы изъ настоящ. **африканскаго золота**, ничѣмъ не отличаемые, даже спеціалистами, отъ настоящихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 руб., глухіе, съ 3-мя массивными крышками, заводъ безъ ключа, ходъ на 15 камняхъ, ручательство за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Часы изъ настоящ. африканск. золота награждены за свою доброкачественность и прочность многими медалями и знаками отличія. Цѣна мужскихъ или дамскихъ, **только на короткое время**, вмѣсто 28 р. только 7 р. 50 к., 2 шт.—14 р. 50 к., 3 шт.—21 р. Такіе-же **открытые мужскіе** часы, изъ настоящ. африканск. золота, съ пылепредохран. стекломъ вмѣсто 16 р. только 4 р. 25 к., 2 шт.—8 р., 3 шт.—11 р. 50 к. Высылаемъ вывѣренные часы до **минуты**, по полученіи заказа, налож. платежъ, безъ задатка. Адресовать: **Ю. ГОЛЬДВАССЕРЪ, Варшава, Св. Георгія № 16.** Купоны всѣхъ фирмъ приним. въ счетъ по 50 к., на кажд. часы 1 купонъ.

P. S. **БЕЗПЛАТНО** прилагается къ часамъ изящн. цѣпочка съ брелокомъ „Бинокль" съ видами или компасъ изъ того-же металла и замшевый кошелекъ для предохран. часовъ отъ порчи.

Пользуйтесь рѣдкимъ случаемъ. 112

Fleichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА. Цѣна: коробка 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ, косметическое средство для улучшенія красоты кожи. **Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.**

Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. **Л. ЛЕЙХНЕРЪ** въ Берлинѣ поставщикъ бельгійскихъ импер. театровъ. Главный складъ для всей Россіи: СПБ. **ТЕХНО**-Химическ. Лабораторія, С.-Петербургъ, Лиговская 123. 774

КАКАО ВАНЪ-ГУТЕНА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ

журналъ нотъ

„НУВЕЛЛИСТЪ",

Годъ изд. 65-й.

который даетъ

за 5 р. нов. нотъ болѣе чѣмъ на 75 р.:

350 стран. въ больш. ноти. форматѣ, лучш. бумаги.
500 стр. избран. и новѣйш. нотъ для фортепіано.
150 столбцовъ музыкально-театр. газеты.
120 №№ пьесъ, новѣйш. танц., оперъ, оперетъ.
52 салон. мелодичныхъ, красивыхъ пьесъ, фантазій.
36 новѣйш. модныхъ танцевъ, маршей и др.
24 романс. знамен. авторовъ и цыган. пѣсенъ.
40 легк. танцевъ и пѣсенъ для дѣтск. возраста.

Подписка годовая.

РАЗСРОЧКА по 2 р.:

при подпискѣ 2 р., къ 1 марта 2 р., остальные къ 1 мая.

Кромѣ того,

БЕЗПЛАТНО,

по выбору гг. подписчиковъ:

ПОЛНАЯ ОПЕРА

или оперета, или альбомъ классической или легкой музыки, для чего будетъ предложено

100 разныхъ №№,

или изящно изданный альбомъ

„ВОЙНА 1904 г."

Сост. изъ пьесъ, фантазій, патріотич. пѣсенъ и музыкальн. картинъ. На сочиненіе означен. пьесъ будетъ объявленъ конкурсъ съ денежной преміей въ **200, 100** и **50** руб. за 3 лучш. сочин.

Всѣ подписчики получатъ

10 картинъ-открытокъ:

снимки артистовъ ИМП. театровъ.

Означенн. сочин. стоитъ въ отд. продажѣ 75 р., а при подпискѣ только 5 р., съ пересылкой 6 р.

Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложеніями: безъ доставки: 1) въ **С.-Петербургѣ**—5 р.; 2) въ **Москвѣ** у П. І. Юргенсона, Неглинный проѣздъ, 14, и въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія лин.—5 р. 50 к.; 3) въ **Одессѣ** въ книжн. маг. „Образованіе", Ришельевская, 12—5 р. 50 к. Съ доставкой и пересылкой всюду—6 р. (за границу—8 р.). Два пробныхъ №№ высылаются за 70 к. марками. Требованія просятъ адресовать въ **С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „Нувеллистъ", Невскій. 45.**

Кромѣ того, подписку принимаютъ: конторы Метцль и К°, кн. магаз. „Новаго Времени", Карбасникова, Т-ва М. Вольфъ. Разсрочка только при главной конторѣ. 847

Новѣйшая пишущая машина

„ИДЕАЛЪ"

имѣетъ видимый шрифтъ отъ первой до послѣдней буквы. Рычаги и буквы на машинѣ **„ИДЕАЛЪ"** изъ наилучшей стали. — Клавіатура машины **„ИДЕАЛЪ"** универсальная. — Ударъ по клавишамъ на машинѣ **„ИДЕАЛЪ"** требуется весьма легкій. Особенно пригодна машина **„ИДЕАЛЪ"** для писанія нѣсколькихъ экземпляровъ одновременно. — Прейсъ-куранты и образцы шрифтовъ безплатно.

Торг. Домъ **З. КИНКМАНЪ и К°.**, СПБ., Гороховая, 17. 715

Сканирован reduktorer rutracker.org